

— Отправить его на Утёс Раздумий! На сколько? Год? Два? Или запереть до следующего Собрания Облачных Вершин?!

— Пусть сначала Гуань Ся проучит паршивца! Не поверю, что метёлка из перьев толщиной с бедро не вколотит в этого мерзавца каплю ума!

— Пороть его! Пороть нещадно! А потом притащить к Бессмертному вымаливать прощение! Пусть строчит покаянную грамоту на три тысячи слов и читает её задом наперёд, стоя на коленях перед Парящим дворцом!

Угрозы гремели над самым ухом. Юй Уцюэ, всё ещё пребывавший в беспамятстве, от этого грозного хора провалился в совершенно кошмарный сон.

Ему привиделось, будто он висит посреди двора вниз головой, зацепившись ногами за балку. Одной рукой он судорожно переписывает покаянную грамоту, пока бабушка нещадно лупит его по икрам перьевой метёлкой толщиной с бревно. Стоило допустить хоть одну помарку — и в воздухе свистел новый удар.

Бабушка наносила удары с такой яростью, будто в её руках ожили десятки этих проклятых метёлок. В конце концов, обезумев от ужаса, он вырвался из цепких объятий кошмара.

— Бабушка, я больше не буду! — с надрывным воплем Юй Уцюэ распахнул глаза.

Сердце бешено колотилось, но кошмар растаял. Осмотревшись, он понял, что находится в совершенно незнакомом месте.

Над головой покачивался роскошный балдахин из молочно-белого тончайшего шёлка. На резных стойках кровати из драконьего дерева висели золотые курильницы, откуда струился тонкий аромат дорогой целебной смолы. Впрочем, даже это благовоние не могло скрыть резкого запаха лекарств. Юй Уцюэ принялся: в воздухе отчётливо пахло травой драконьих жил, ветвями кровавого дождя, шёлком теневых червей и стовёрстником — редчайшими снадобьями, которые не сыскать ни за какие деньги.

На языке всё ещё горела горькая микстура. Значит, его не просто спасли, но и окружили поистине царской заботой?

«Неужели сон и правда перевёртыш? — радостно подумал он. — Я ведь совершил подвиг, спас людей. За что меня пороть? Раз уж я очнулся в столь роскошных покоях, меня наверняка ждёт награда!»

Его мысли прервал тихий голос:

— Очнулся наконец? Как себя чувствуешь? Где ещё болит?

Юй Уцюэ повернул голову. Перед ним стоял Чан Юньцин, истинный человек Юнлэ и глава Академии целительства. В Поднебесной его почитали как величайшего лекаря, способного вырвать человека из лап смерти, если только душа окончательно не покинула тело.

— Пролежал без чувств всю ночь, — продолжал целитель, покачивая головой. — Снадобья я в тебя влил знатные, а ты всё равно смотришь как пыльным мешком пришибленный.

Присутствие столь именитого мастера поразило Юй Уцюэ. К Чан Юньцину обычно выстаивались очереди из великих патриархов, и за пустяковую рану он бы никогда не взялся лично.

— Истинный человек Юнлэ? — изумился юноша. — Как вы здесь оказались?

— Я здесь уже два дня, — усмехнулся лекарь. — И что это за мина? Тебя лично я на ноги ставлю, а ты недоволен?

Юй Уцюэ испугался:

— Неужели мои раны настолько плохи?

Чан Юньцин лишь тяжело вздохнул и укоризненно на него посмотрел.

Юй Уцюэ насупился:

— Да не томите вы... Сколько мне осталось?

— День, — не моргнув глазом, отрезал целитель.

Юноша едва не подпрыгнул на постели:

— Вы ведь шутите, да?!

Но Чан Юньцин лишь печально покачал головой:

— Увы, мой мальчик.

Юй Уцюэ оцепенел. Осознав неизбежное, он сглотнул ком в горле и заговорил прерывающимся голосом, спеша раздать последние указания:

— В таком случае... нужно успеть закончить дела. На заднем дворе, в пещере у склона, я

спрятал свои сокровища. Половина из них вполне пригодна для дела, их можно продать у подножия горы за духовные камни. Вторая половина — недоделки, но если разобрать марионеток на части, там найдутся редкие детали. Пожалуйста, передайте это моей бабушке. Я уже не смогу отплатить ей за то, что она меня вырастила, но пусть это станет моим последним подарком. Хоть немного сгладит её горе.

Он вздохнул, мысленно прощаясь с нажитым добром. Помимо пещеры на заднем дворе, ценные марионетки были припрятаны у Источника Исцеления Душ под корнями тысячелетнего дуба, под мостом у ручья возле ученических покоев и в ущелье под Ареной Десяти Тысяч Образов. Юй Уцюэ всегда прятал свои творения в местах, богатых духовной силой, чтобы они быстрее обретали разум.

Теперь всё это превратилось в сиротское наследство.

Чан Юньцин внимательно слушал, едва сдерживая смех. Его лицо предательски дрогнуло.

— Есть ли ещё какие пожелания? — выдавил он из себя. — Говори всё, я передам Му... то есть твоей бабушке.

Заметив эту весёлую дрожь на лице лекаря, Юй Уцюэ надулся:

— Истинный человек Юнлэ! Вы ведь уже в почтенных летах, а всё туда же — шутки шутить над умирающими!

Целитель не выдержал и рассмеялся:

— Ах ты, хитрый пройдоха! Если бы я тебя сегодня не раскусил, ты бы через пару лет весь Дворец Небесного Предела своими норами испещрил.

Поскольку Чан Юньцин славился мягким нравом и любил подшучивать над младшими, Юй Уцюэ понял: раз лекарь смеётся, значит, смертельная опасность миновала.

— Я больше не буду рыть норы, клянусь! — тут же заискивающе заговорил юноша, пытаясь выторговать прощение. — Только, пожалуйста, сохраните это в тайне от бабушки. Я ведь копил на её безбедную старость... Уважаемый целитель, раз уж вы здесь, я ведь завтра уже буду на ногах?

— А ну-ка ложись обратно, — Чан Юньцин легонько щелкнул его по лбу и покачал головой. — Раны твои весьма серьёзные. Лава на горе Алого Золота — не чета обычной грязи. Она выжигает плоть до костей, плавит меридианы. Промедли мы ещё час, от тебя осталась бы лишь горстка пепла. Но раз уж я взялся за дело, ноги твои будут как новые. Придётся делать примочки не меньше недели, а когда сможешь ходить — решит твоё тело. К тому же ты растерял почти всю духовную силу. И ладно бы свою, так ведь чужую растратил. Теперь

восстанавливаться придётся долго.

Юй Уцюэ покорно вздохнул. Внутри у него действительно всё ныло и горело.

— Безрассудный ты мальчишка, — мягко упрекнул его Чан Юньцин, поправляя одеяло. — Мало того что снаружи обгорел, так ещё и плодов алого золота наелся. Они ведь порождены той же огненной горой. Изнутри себя сжечь решил? Впредь не тащи в рот всё, что растёт на диких склонах. Понял меня?

— Понял, больше не буду, — послушно отозвался юноша. Ему всегда было проще уступить, когда с ним обходились по-доброму. Спрятавшись под одеяло по самые глаза, он спросил:

— Уважаемый мастер, а где мы сейчас?

— В Парящем дворце.

Юй Уцюэ замер от изумления:

— В обители Бессмертного Тайвэя? Значит, тот белоснежный силуэт... это действительно был он?

Перед тем как лишиться чувств, он успел разглядеть лишь величественную фигуру в безупречно белых одеяниях, но лица так и не увидел. Бессмертный Тайвэй — Хэ Бугуй — почти никогда не спускался в мир смертных, а простым ученикам Дворца Небесного Предела путь к его парящему в облаках дворцу был заказан. Сама обитель, поддерживаемая древними механизмами, таинственно парила высоко над вершиной горы Алого Золота.

Мысль о том, что его спас сам великий Бессмертный, наполняла Юй Уцюэ трепетом и признательностью, но одновременно в душу закрался страх. Он отчётливо помнил недовольный голос своего спасителя и то, как безжалостно тот ударил его током с помощью какого-то странного, скользкого артефакта.

— Ого... — вырвалось у юноши.

Чан Юньцин посмотрел на него как на неразумное дитя:

— Чему ты удивляешься?

— Я вырос в Дворце Небесного Предела и слышал сотни легенд о Бессмертном Тайвэе, но увидеть его воочию... Да ещё и оказаться спасённым им — это действительно чудо.

Юй Уцюэ попытался сбросить одеяло:

— Мне нужно немедленно поблагодарить его за спасение. Негоже обременять великого мастера своим присутствием. Как только выражу почтение, попрошу вас вернуть меня домой.

— Не торопись, — Чан Юньцин мягко удержал его за плечо. — Мы в гостевом крыле Парящего дворца. Его прибрали специально для твоего лечения, так что лежи спокойно. Бессмертному Тайвэю ты не помешаешь. Уж поверь, он совсем не против твоего присутствия.

Юй Уцюэ помрачнел:

— Это вы так думаете, а мне не по себе. Лучше уйти поскорее, пока не поздно. Если старина Сюэ решит меня наказать, пусть делает это дома, а не на глазах у Бессмертного.

Лекарь усмехнулся:

— Так ты слышал его крики?

— Да его ор за десять ли был слышен, — уныло протянул юноша. — Но ведь я людей спасал! За что на меня так гневаться?

— Гнев твоего наставника — лишь щит. Без этого напускного шума Бессмертный Тайвэй вряд ли оставил бы тебя в покое.

Разминая горькую пилюлю, Чан Юньцин заставил Юй Уцюэ проглотить лекарство и пояснил суть дела. Виновников переполоха — двух нерадивых учеников — уже сурово наказали, отправив замаливать грехи на Утёс Раздумий. Юй Уцюэ за свой подвиг заслуживал величайших наград, однако его положение усложнялось тем, кем оказались поверженные им чудовища.

— Твои марионетки тяжело ранили зверя Кунда, древнего стража горы Алого Золота, охранявшего эти земли больше тысячи лет. Наша гора — действующий вулкан, и лишь благодаря этим зверям, поглощающим кипящую лаву, окрестности не заливают огнём. Эти твари жили парой. Самец сейчас при смерти — твоё воинство изорвало его внутренности в клочья. Самка же, глядя на мучения супруга, впала в глубокую тоску: отказывается от пищи и никого не подпускает. Если чудовища погибнут, гора проснётся, и тогда случится страшная беда.

Юй Уцюэ растерялся. Он ведь защищался! Откуда ему было знать про экологический баланс вулкана?

— Но вы ведь великий целитель! — взмолился юноша, хватая Чан Юньцина за рукав. — Вы ведь сможете вылечить этого зверя?

— Оставь свои лестные речи, — вздохнул лекарь, и он помрачнел. — Перед тем как прийти к тебе, я слышал, что слуги-марионетки Бессмертного уже готовят всё необходимое для погребения зверя. Так что готовься к худшему.

Юй Уцюэ побледнел:

— Неужели он действительно умирает?

— Жив он останется или умрёт — кара тебя всё равно настигнет, — тихо произнёс Чан Юньцин.
— На этот раз разгневан сам Бессмертный Тайвэй, и его решения никто не сможет оспорить.

В то же самое время в главном зале Парящего дворца царило удушливое напряжение.

Голос истинного человека Чансы, Сюэ И, подобно храмовому колоколу, гремел под высокими сводами уже больше часа. Израсходовав весь запас яростных обвинений, он наконец замолчал, уступив место Му Цинцзюню, который принялся мягко выгораживать провинившегося юношу. Однако хозяин дворца оставался безучастен к их речам.

Хэ Бугуй сидел неподвижно, и его лицо напоминало ледяную глыбу. Когда гости окончательно выбились из сил, он произнёс ровным, лишённым эмоций тоном:

— Кунда умирает.

Сюэ И поспешно отёр пот со лба:

— Но мы ведь пригласили брата Юньцина! Он уже перевязал раны мальчишке и сейчас же отправится к зверю. Он обязательно спасёт его!

— Ада объявила голодовку, — безучастно продолжил Бессмертный.

Му Цинцзюнь поспешил вмешаться:

— Я слышал, что мастера из секты Укрощения Зверей уже прибыли в обитель. У них есть особые методы... Кхм, способы ладить с разгневанными тварями. Я лично навещу их главу и попрошу о помощи.

Хэ Бугуй поднял на него холодный взор:

— А если гора проснётся прямо сейчас? Что вы тогда предпримете?

Старейшины притихли. Земля под ногами дрожала всё сильнее — вулкан мог ожить через месяц, а мог и через десять дней. Если лава вырвется наружу, окрестности превратятся в выжженную пустыню.

Дворец Небесного Предела как раз готовился принять Собрание Облачных Вершин. Сюда съезжались лучшие представители даосских кланов. Повсюду сновали старейшины и главы великих орденов. Если стихийное бедствие унесёт жизни гостей, школа не просто покроет себя позором — весь мир заклинателей понесёт невосполнимые потери.

Гора Алого Золота издревле почиталась как священная. Легенды гласили, что в стародавние времена боги наказали людей за их грехи, сотворив этот огненный пик. Предотвратить извержение такой горы обычными заклинаниями было невозможно.

Му Цинцзюнь со вздохом покачал головой:

— Спасение долины сейчас важнее всего. Наказание Юй Уцюэ может и подождать.

Сюэ И закивал:

— В нашем Дворце Небесного Предела есть трое Бессмертных, множество истинных людей и старейшин. Объединив усилия, мы непременно справимся с этой бедой.

— Ваша слепая любовь к ученикам переходит все границы, — Хэ Бугуй не скрывал раздражения. Ему надоели пустые уговоры. — Мальчишка едва не убил священного зверя, а вы предлагаете нянчиться с ним, пока весь Дворец Небесного Предела будет расхлёбывать его кашу? Истинный человек Чансы, кажется, это ваш воспитанник?

— Мой, — глухо отозвался Сюэ И.

— Покрывать проступки вместо того, чтобы карать по закону... — Хэ Бугуй накрыл чашу с чаем крышкой, раздался сухой фарфоровый стук. — Если этот негодяй завтра предаст школу и прольёт кровь невинных, у вас тоже рука не поднимется его казнить?

Сюэ И нахмурился, в упор глядя на Бессмертного Тайвэя.

Хэ Бугуй славился суровым нравом, но никогда не был самодуром. Наказание за спасение жизней казалось чрезмерным даже для него. В его словах о «предательстве и великом зле» крылось нечто большее, чем простое недовольство пораненным зверем.

Но делиться подозрениями Бессмертный не собирался.

Сюэ И сдержал гнев и твёрдо произнёс:

— Раз это мой ученик, то и судить его мне.

— Ты опоздал, — отрезал Хэ Бугуй. — Вулкан проснётся со дня на день, и никакие общие усилия школы тут не помогут. Если весть о нашей слабости разлетится по миру, прихвостни Тьмы не упустят случая ударить в спину. Тогда мы потеряем не только лицо, но и сам Дворец Небесного Предела.

Му Цинцзюнь встревоженно переглянулся с товарищем:

— Секта Освобождения из Ада спит и видит, как бы ослабить наше влияние. Если они прознают о беде, беды не избежать.

Сюэ И вздохнул:

— Даже если так, мы должны действовать сообща. Нужно доложить главе Дворца Небесного Предела, созвать четыре великие палаты...

— Я справлюсь сам, — перебил его Хэ Бугуй.

Старейшины в изумлении уставились на него.

Бессмертный Тайвэй никогда не бросал слов на ветер. Если он сказал, что справится в одиночку, значит, у него действительно был надёжный план.

Но почему тогда он так цепляется к Юй Уцюэ?

Заметив, как старейшины перевели дух, но тут же вновь напряглись, Хэ Бугуй едва заметно усмехнулся.

— Я спасаю Дворец Небесного Предела, — ровным голосом произнёс он. — Но раз зачинщиком всей этой суматохи стал Юй Уцюэ, я вправе потребовать с него виру. Вы ведь не станете возражать, если я заберу его себе для возмещения ущерба?

Сюэ И насупился:

— Я согласен, что виновный должен понести наказание. Но какова же будет участь моего ученика? Как вы намерены с ним поступить?

Хэ Бугуй, который ещё сам толком ничего не решил, небрежно бросил:

— Сброшу со скалы в бездну.

Старейшины так и застыли с открытыми ртами.

Они знали: этот человек шутить не станет. Бессмертный Тайвэй действительно был способен на такое.

Шесть лет назад на горе Таочжи он застал учеников Врат Золотого Ворона за ловлей лесных духов для варки ядов. Чужаки осквернили священную рощу, и Хэ Бугуй без лишних разговоров перебил их всех на месте, а затем очертил границу в десять ли вокруг горы, запретив золотым воронам приближаться под страхом немедленной смерти. Никакие жалобы и взывания к закону не заставили его изменить решение.

Три года назад группа учеников Дворца Небесного Предела устроила дебош в Городе Тысячи Журавлей, приставая к местным девушкам и кичась своим происхождением. Узнав об этом, Хэ Бугуй выволок негодяев на рыночную площадь, избил до полусмерти и лишил духовных сил, отправив обратно к родителям на позорных телегах.

Он не знал жалости, презирал условности и плевал на чужое мнение.

Му Цинцзюнь взмолился:

— Великий Бессмертный! Мальчик виноват, но ведь не заслуживает смерти!

Сюэ И, едва сдерживая ярость, шагнул вперёд:

— Юй Уцюэ — воспитанник Академии артефактов и единственный внук почтенной Гуань Ся. Как мы посмотрим ей в глаза, если вернём бездыханное тело? Раз уж проблема с вулканом решена, умоляю вас, пощадите его жизнь! Я готов понести любое наказание вместо своего ученика!

Хэ Бугуй, утомлённый этим бессмысленным спором, поднялся со своего места. Он сладко зевнул, проигнорировал пламенную речь Сюэ И и направился к выходу.

Сюэ И окончательно потерял самообладание:

— Бессмертный Тайвэй! Неужели для вас жизнь дикого зверя дороже жизни ученика ордена?! Чем ваше скорое судилище отличается от обычного душегубства?!

Му Цинцзюнь испуганно схватил его за рукав:

— Старина Сюэ, тише! Не смей так разговаривать с Бессмертным!

— А как мне ещё разговаривать?! — Сюэ И яростно стряхнул его руку. — Он запер моего ученика в своём дворце, не позволяет мне даже повидаться с ним, а теперь хочет лишить жизни!

У самых дверей Хэ Бугуй остановился. Он медленно повернул голову и окинул Сюэ И, чьё лицо от гнева налилось багровым цветом, ледяным, изучающим взглядом.

Какая забавная сцена. Он сам, будучи главным палачом в этой пьесе, оставался совершенно спокоен, в то время как зрители уже готовы были разорвать на себе одежды от возмущения. Пусть кричат. Когда слухи поползут по свету, все снова спишут это на несносный и жестокий нрав Бессмертного Тайвэя.

Истинное происхождение Юй Уцюэ нельзя открывать этим праведным глупцам. Лучше прослыть безжалостным самодуром, чьи поступки не поддаются логике.

Если никто не поймёт истинных причин, никто не станет копать глубже.

Юй Уцюэ должен оставаться здесь, под его присмотром. Источник величайшей опасности должен быть на виду.

Хэ Бугуй едва заметно и пугающе улыбнулся.

— Истинный человек Чансы, — негромко проговорил он. — Ты действительно полагаешь, что я снизойду до оправданий перед тобой?

— Я... я не смею так думать.

— Можешь думать всё, что тебе угодно, — Хэ Бугуй распахнул двери, впустив в зал холодный горный ветер. — Но даже если он умрёт, вы не получите даже его праха для погребения. Вон отсюда. Ступайте прочь.

<http://bllate.org/book/20165/2121965>